

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя.....	7
Предисловие переводчика.....	7
Арест. Разговор с г-жой Грубах, потом с г-жой Бюрстнер.....	11
Первое заседание.....	45
В пустом зале заседаний. Студент. Канцелярия.....	63
Подруга г-жи Бюрстнер.....	89
Порщик.....	99
Прокурор.....	107
К Эльзе.....	115
Дядя. Лени.....	119
В соборе.....	145
Адвокат, фабрикант, художник.....	171
Борьба с заместителем директора.....	223
Торговец Блок. Увольнение адвоката.....	229
Поездка к матери.....	263
Здание.....	269
Конец.....	275
Страницы черновика романа «Процесс».....	282

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Издание «Процесса» в новом переводе дополнено черновиками глав, отброшенных душеприказчиком Кафки Максом Бродом, а также фрагментами, которые вычеркнул сам автор. Публикация одного из важнейших романов мировой литературы XX века именно в таком виде позволяет глубже раскрыть авторский замысел и лучше понять это многоплановое, неоднозначное, но актуальное по сей день произведение. Впервые опубликованный в 1925 году, спустя 10 лет после написания и через год после смерти Кафки, «Процесс» создавался, когда в жизни писателя происходили радикальные перемены, а Европу ждала кровопролитная Первая мировая война, переломившая судьбу континента. Мы переиздаем роман в надежде на то, что знакомство с ним предостережет новое поколение читателей от бездумного принятия действительности, которое может оказаться в буквальном смысле опасным для жизни.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

«Процесс» Кафки известен большинству русскоязычных читателей в блестящем переводе Риты Райт-Ковалевой. Браться за перевод после нее было бы самонадеянно и, пожалуй, нелепо — если бы речь не шла именно о «Процессе». Моя выдающаяся предшественница имела дело с редакцией Макса Брода, друга и душеприказчика Франца Кафки, которому писатель вообще-то наказал сжечь все незавершенные рукописи. Брод ослушался; судить его за это не повернется язык, но для того, чтобы издать «Процесс», ему пришлось, по сути, придумать недописанному роману структуру (Кафка расположил главы не по порядку и не нумеровал их) и выбросить большие куски текста, показавшиеся ему наименее законченными.

Иными словами, Брод по праву своей дружбы с автором принял, с одной стороны, важное решение сохранить для потомков великий роман, а с другой — еще ряд решений,

не всегда оправданных именно с точки зрения сохранности текста «Процесса».

Специалисты по творчеству Кафки выделяются въедливостью даже среди литературоведов. Одно из материальных свидетельств этой въедливости — издание «Процесса», вышедшее в 1997 году (почти через восемь лет после смерти Райт-Ковалевой) и подготовленное Роландом Ройсом и Петером Штенгле. Коробка с шестнадцатью не сшитыми между собой тетрадами, не считая вступительной — в каждой по главе, — весит больше четырех килограммов. В тетрадях — факсимиле черновиков и их расшифровка.

Немалая часть сохранившегося в рукописи текста была недоступна Райт-Ковалевой. Я перевел не только главы, отброшенные Бродом как недостаточно законченные, но и те части текста, которые Кафка зачеркнул и ничем не заменил. Они особым образом выделены в книге, которую вы держите в руках (вновь включенные главы переводились и в более ранних изданиях, но публиковались как приложения к основному тексту). Раз уж мы вслед за Бродом исходим из того, что рукописи не горят, то неподвластны пламени и зачеркнутые места — тем более что Кафка вымарывал их не слишком старательно и, возможно, вернул бы в текст, если бы ему довелось завершить работу над «Процессом».

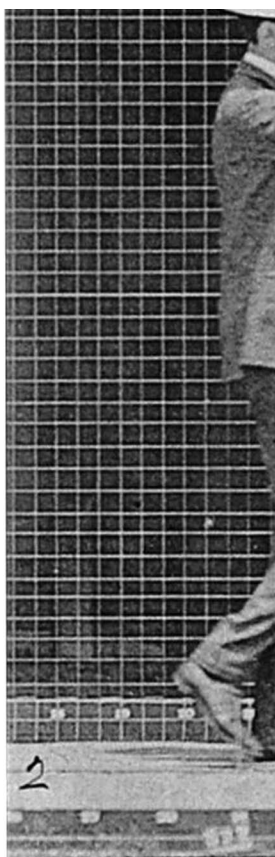
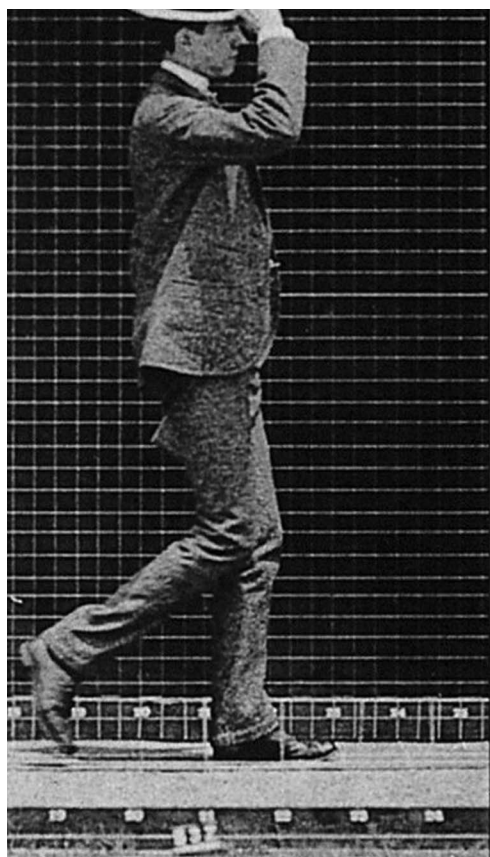
Переводчики и исследователи, работавшие над «Процессом» в последние десятилетия, часто переставляли главы местами. Порядок глав в моем переводе — попытка восстановить хронологию событий: как прожил свой последний год банковский управляющий Йозеф К. Я следовал указаниям на времена года и логике сюжета. Из-за появления дополнительных глав — в самом тексте, а не в виде приложения к нему — расстановка смысловых акцентов несколько сместилась по сравнению с каноническим переводом. Например, без предпоследней главы «Здание», на мой взгляд, «Процесс» становится другим романом.

Важно понимать, впрочем, что мой, вероятно, упрощенный подход к структуре книги — не единственно возможный. Попробуйте рассказать себе историю Йозефа К. в разной последовательности; оно того стоит — ведь для русскоязычного читателя 20-х годов XXI века эта история актуальнее новостей. Злоключения Йозефа К. — не то, от чего стоит зарекаться.

Мне же, как иммигранту в немецкоязычном мире, близок не только сюжет, но и негладкий, иногда слишком формальный, чуть застенчивый немецкий гениального пражского еврея. Надеюсь, что русский текст адекватно передает мои ощущения.

А в самом конце книги вас ждет сюрприз — описка Кафки, от которой у меня на глаза навернулись слезы. Сумеете удержаться — значит, что-то у меня (а заодно и у блестящего редактора этой книги Любови Макариной) не вышло.

Л. Бершидский
Берлин, 2021 г.

АРЕСТ.

РАЗГОВОР С Г-ЖОЙ ГРУБАХ,
ПОТОМ С Г-ЖОЙ БЮРСТНЕР

Видимо, кто-то оклеветал Йозефа К., потому что, не сделав вроде бы ничего дурного, однажды утром он попал под арест.

Кухарка его квартирной хозяйки, г-жи Грубах, приносившая ему завтрак ежедневно около восьми, на этот раз не пришла. Такого до сих пор не бывало. К. подождал еще немного, посмотрел, не поднимая головы с подушки, в окно на жившую напротив старуху, которая сегодня наблюдала за ним с совершенно не свойственным ей любопытством, затем, чувствуя одновременно недоумение и пустоту в желудке, позвонил в колокольчик.

В дверь тут же постучали, и вошел мужчина, которого К. в этой квартире еще ни разу не видел. Сухощавый, но крепко сбитый, он был одет в плотно прилегающий, подпоясанный ремнем костюм на манер дорожного, со множеством

карманов, пряжек и пуговиц; хотя было непонятно, какая от всего этого польза, платье вошедшего выглядело чрезвычайно практичным.

— Вы кто? — спросил К., приподнимаясь в постели.

Вошедший, однако, уклонился от ответа, словно его появление следовало принять как должное, и сказал только:

— Звонили?

— Мне Анна должна принести завтрак, — сказал К. и попытался собраться с мыслями, чтобы определить, кто, собственно, таков этот человек. Но тот не дал себя долго разглядывать, а повернулся к двери и, приоткрыв ее, сказал кому-то, явно стоявшему прямо у входа:

— Хочет, чтобы Анна принесла ему завтрак.

В соседней комнате тихонько засмеялись — непонятно, один голос или несколько. Хотя этот смех вряд ли содержал для чужака какую-либо доселе неизвестную информацию, он словно бы доложил К. об ответе:

— Это невозможно.

— Вот еще новости, — сказал К., соскочил с кровати и проворно натянул штаны. — Ну-ка, посмотрим, кто там в соседней комнате и как г-жа Грубах объяснит мне подобное вторжение.

Ему тут же пришло в голову, что не обязательно было говорить это вслух и что он тем самым как бы признал право чужака надзирать за ним, но сейчас это показалось ему неважным. Незнакомец, однако, так и воспринял его слова, потому что сказал:

— Может, лучше вам остаться здесь?

— И не останусь, и слушать вас не буду, пока не представитесь.

— Я же как лучше хотел, — сказал чужак и без возражений открыл дверь. В соседней комнате, куда К. вошел медленнее, чем собирался, все было на первый взгляд почти так же, как вчера вечером. В гостиной г-жи Грубах, забитой мебелью, салфетками, фарфором и фотографиями,

казалось, освободилось немного места, но точно сказать было невозможно. Главное изменение состояло в присутствии мужчины, сидевшего у открытого окна с книгой, от которой он теперь оторвался.

— Вам следовало оставаться в вашей комнате. Вам что, Франц не сказал?

— Так что вам от меня нужно? — спросил К., переводя взгляд с нового знакомого на Франца, все еще стоявшего у двери, и обратно.

В открытое окно К. снова увидел соседку, со старушечьим любопытством перебравшуюся к другому окну, прямо напротив, чтобы ничего не пропустить.

— Мне надо к г-же Грубах, — сказал К. с таким движением, будто хотел вырваться из рук обоих мужчин, хоть их и не было рядом, и собрался идти дальше.

— Нет, — сказал человек у окна, швырнул книгу на столик и встал. — Уходить вам нельзя, вы же все-таки арестованы.

— Похоже на то, — сказал К., улыбаясь. *Он не чувствовал тревоги, скорее облегчение, что теперь невероятное сказано, отчего невозможность ситуации стала лишь очевиднее.* — За что же?

— Сообщать вам это у нас приказа нет. Идите в свою комнату и ожидайте. Производство по делу только началось, в свое время все узнаете. Я и так выхожу за пределы полномочий, разговаривая с вами этак по-свойски. Надеюсь, никто не услышит, кроме Франца, а он и сам ведет себя с вами доброжелательно против всех инструкций. Если вам и дальше так будет везти, как при назначении надзирателей, волноваться вам не о чем.

К. хотел было сесть, но заметил, что во всей комнате для этого годится только кресло у окна.

— Еще увидите, как он прав, — сказал Франц, подступая ближе к К. одновременно с другим визитером. Тот, все похлопывая его по плечу, особенно нависал над ним. Вдвоем

они ощупали ночную рубашку К., говоря, что теперь ему придется носить рубаху куда похуже, но что эту, как и прочее его белье, они сохранят и при благоприятном исходе дела вернут.

— Лучше отдайте вещи нам, чем на склад, — говорили они. — На складе вечно случаются недостачи, к тому же от туда все регулярно распродают, неважно, завершено дело или нет. А ведь такие процессы часто затягиваются, особенно в последнее время! Вы бы, конечно, получили на складе компенсацию, но, во-первых, она сама по себе мизерная, потому что распродают не по самой высокой цене, а за взятки; во-вторых, по нашему опыту, сумма с годами тает, переходя из рук в руки.

К. едва слушал эти разговоры: право распоряжения имуществом, вроде бы пока у него не отобранном, он ценил невысоко, важнее для него было прояснить ситуацию; в присутствии этих людей, однако, он не мог даже думать. Второй надзиратель — ну да, никем, кроме надзирателей, они быть не могли — все время пихал его, как бы по-дружески, пузом, но К., поднимая глаза на его худое, не подходящее к жирному телу лицо со свороченным на сторону носом, видел, как тот перемигивается с другим надзирателем.

Что же это за люди? О чем они вообще? В каком учреждении служат? В конце концов, К. живет в правовом государстве в мирное время, закон есть закон и кто осмелился напасть на него в собственном доме?

Он всегда старался не принимать ничего слишком всерьез, в худшее верить, только если и правда станет худо, и не тревожиться о будущем, чем бы оно ему ни грозило. Но сейчас такой подход казался ему неправильным. Да, все происходящее можно было принять за шутку — сегодня ему исполнялось тридцать лет, вполне вероятно, что коллеги по банку решили над ним так грубо подшутить и ему достаточно расхохотаться в лицо надзирателям, чтобы они тоже засмеялись. Может, это просто посыльные с соседнего угла, даже сходство какое-то есть, — но К. с самого

первого взгляда на надзирателя Франца решил не поступать с преимуществом, которым, возможно, обладал перед этими людьми. Обвинений в отсутствии чувства юмора К. особо не опасался, зато помнил — хоть и не имел обыкновения учиться на собственных ошибках — несколько случаев, в целом незначительных, когда он не проявил, в отличие от более сознательных друзей, достаточного чутья на последствия, повел себя неосторожно и в итоге поплатился. С него довольно: уж в этот раз, если с ним разыгрывают комедию, он подыграет.

Как только его отпустили, он произнес «Позвольте» и проскользнул между надзирателями в свою комнату.

— Вроде разумный человек, — услышал он за спиной.

В комнате он торопливо выдернул ящики из письменного стола. В них все было разложено в образцовом порядке, но как раз удостоверяющие личность бумаги, которые он сейчас искал, не попадались ему на глаза. Наконец он обнаружил велосипедные права и хотел было идти с ними к надзирателям, но документ показался ему недостаточно внушительным и он продолжал искать, пока не наткнулся на свидетельство о рождении. Едва он вернулся в соседнюю комнату, дверь напротив приоткрылась и в комнату заглянула г-жа Грубах, но лишь на мгновение. Завидев К., она, очевидно смутившись, извинилась и исчезла, с подчеркнутой осторожностью закрыв за собой дверь.

— Входите же, — только и успел сказать К.

Он так и остался стоять со своими бумагами посреди комнаты, уставившись на дверь, которую больше никто не пытался отворить. Лишь окрики надзирателей вывели его из оцепенения. Те сидели за столиком у открытого окна и, как теперь заметил К., уплетали завтрак.

— Почему она не вошла? — спросил он.

— Не положено, — сказал высокий охранник. — Вы же арестованы.

— Но как же я могу быть арестован, да еще и таким вот образом?

— Только не начинайте опять, — сказал надзиратель, обмакнув намазанный маслом ломтик хлеба в баночку с медом. — На такие вопросы мы не отвечаем.

— Придется отвечать, — сказал К. — Вот мои документы, а теперь покажите мне ваши, и первым делом ордер на арест.

— Господи ты боже мой, — сказал надзиратель. — Что ж вам, невдомек, в каком вы положении? Да еще понапрасну на нас огрызаетесь, а ведь ближе, чем мы, у вас сейчас никого на свете нет!

— Так и есть, уж поверьте, — сказал Франц и не стал подносить ко рту чашку кофе, которую держал в руке, а вместо этого посмотрел на К. долгим и, видимо, многозначительным взглядом, смысл которого остался К. непонятен. Сам того не желая, К. ввязался в обмен красноречивыми взглядами с Францем, но все-таки сразу протянул бумаги:

— Вот мои документы.

— Нам-то что до них? — воскликнул высокий надзиратель. — Напрашиваетесь на неприятности, совсем как ребенок. Чего вы добиваетесь? Думаете, ваш треклятый многомесячный процесс тут же и закончится, если вы устроите с нами, надзирателями, дискуссию об удостоверениях и ордерах на арест? Мы мелкие служащие, в удостоверениях разбираемся плохо, а по вашему делу только и должны десять часов в день приглядывать за вами да получать за это жалованье. Вот с нас и весь спрос — с чего вы взяли, что важные чины, наши начальники, станут с нами обсуждать причины ареста и личность арестованного? Ошибки тут быть не может. Наше учреждение, насколько я знаю — а знаю я только самый нижний уровень, — не ищет виноватых среди населения, а, как сказано в законе, вина притягивает его внимание и тогда оно высылает надзирателей. Таков закон. Где же тут может быть ошибка?

- Я такого закона не знаю! — сказал К.
- Тем хуже для вас, — сказал надзиратель.
- Он существует только у вас в голове, — сказал К.

Ему хотелось найти способ проникнуть в мысли надзирателя и как-нибудь вывернуть их в свою пользу или хотя бы освоиться с их ходом. Но надзиратель лишь равнодушно произнес:

— На своей шкуре испытаете.

Тут вмешался Франц:

— Смотри-ка, Виллем, он сознается, что закона не знает, и тут же заявляет, что невиновен.

— Ты совершенно прав, да только попробуй ему втолковать, — сказал второй надзиратель.

К. больше не отвечал; нельзя же, думал он, чтобы эти нижние чины — ведь они сами говорят, что ниже некуда, — сбили меня с толку своей болтовней. Они ведь и правда рассуждают о том, чего не понимают. Их уверенность — лишь от глупости. Стоит мне перемолвиться словом с тем, кто мне ровня, это прояснит неизмеримо больше, чем сколь угодно долгие беседы с этой парочкой.

Он несколько раз прошелся взад-вперед по пустому пространству комнаты и снова увидел старуху напротив, которая притащила к окну еще более дряхлого деда и стояла с ним в обнимку — *может быть, чтобы согреть его, а может быть, чтобы тихонько делиться с ним наблюдениями*. К. решил, что хватит их развлекать.

— Отведите меня к вашему начальнику, — сказал он.

— Только когда он этого захочет, не раньше, — сказал надзиратель по имени Виллем и добавил:

— А теперь я вам советую отправляться в свою комнату, вести себя спокойно и ждать, какое постановление вынесут по вашему делу. Мы вам советуем не мучить себя бесполезными мыслями, а собраться: у вас впереди серьезные испытания. С нами вы повели себя не так, как мы того заслужили, пойдя вам навстречу, — вы забыли, что, в отличие

от вас, мы, кем бы вы нас ни считали, сейчас свободные люди, а это немалое преимущество. Несмотря на это, мы готовы, если у вас есть деньги, принести вам скромный завтрак вон из той кофейни.

Не отвечая на это предложение, К. постоял еще немного на месте. Что, если открыть дверь в соседнюю комнату или в прихожую: вдруг эти двое не осмелятся ему помешать? Возможно, самое простое решение — предельно обострить ситуацию. Но что, если его схватят и бросят на пол? Тогда конец благосклонному отношению, которое они все же в некотором смысле к нему выказывают. Так что К. предпочел безопасный вариант — довериться естественному ходу событий, и вернулся в свою комнату, не проронив ни слова; молчали и надзиратели.

У себя он рухнул на кровать и подхватил с ночного столика румяное яблоко, которое еще вчера вечером заготовил к завтраку. Теперь оно и представляло собой весь завтрак — во всяком случае, более приятный, уверил он себя, откусив первый большой кусок, чем еда из грязной ночной забегаловки, которой он мог бы довольствоваться по милости надзирателей. К. ощутил приятную уверенность в себе; хоть он сегодня утром и не явился на службу в банк, его положение там было достаточно высоким, чтобы легко оправдаться. А и надо ли оправдываться? Он решил, что да. А если ему не поверят, что было бы неудивительно, он может привлечь в свидетели г-жу Грубах или даже стариков из дома напротив — скорее всего, они и сейчас бдят у окна.

К. не мог понять — по крайней мере когда ставил себя на место надзирателей, — почему они загнали его в комнату и оставили одного: ведь здесь у него уйма возможностей покончить с собой. Одновременно он задавался вопросом — опять-таки ставя себя на их место, — с чего бы ему так поступать. Не из-за того же, что эти двое устроились в соседней комнате и перехватили его завтрак. Убивать себя было так нелепо, что в силу этой совершенной

нелепости он оказался бы к этому неспособен, даже появившись у него такое желание. Если бы не очевидная умственная ограниченность надзирателей, можно было бы предположить, что и они руководствовались той же логикой, когда решили, что оставлять его в одиночестве безопасно. Теперь они могли бы, если бы пожелали, наблюдать, как он подходит к настенному шкафчику, где хранилась добрая бутылочка шнапса, и опрокидывает сперва стаканчик вместо завтрака, а за ним и второй для храбрости — на тот случай, если она ему, против ожиданий, понадобится.

Тут К. вывел из равновесия окрик из соседней комнаты, такой резкий, что его зубы лязгнули о край рюмки.

— Вас вызывает старший, — услышал он.

К. напугала именно военная, рубленая резкость окрика, на которую до этого надзиратель Франц казался ему совершенно неспособным. Самому же приказу он был рад.

— Наконец-то! — крикнул он в ответ, запер настенный шкаф и поспешил в соседнюю комнату. Но надзиратели, словно ничего иного и не ожидали, снова загнали К. в его спальню.

— Это еще что? В ночной рубашке к старшему собрались? Да он вас выпороть прикажет — и нас вместе с вами!

— Да оставьте же меня, черт возьми! — крикнул К., которого уже прижали к самому платяному шкафу. — Хватаете прямо с постели, так не ждите, что я буду в парадном костюме.

— Этим вы делу не поможете, — откликнулись надзиратели, которые всегда, когда К. кричал, принимали спокойный и даже немного грустный вид, чем смущали его и отчасти приводили в чувство.

— Смешно, этикие церемонии, — проворчал он, но все же подцепил со стула пиджак и подержал его немного на вытянутых руках, словно представляя его на суд надзирателей. Они покачали головами:

— Пиджак должен быть черный.

Тогда К. швырнул пиджак на пол и сказал, сам не вполне понимая, что имеет в виду:

— Это ведь не основное слушание дела.

Надзиратели улыбнулись, но продолжали стоять на своем:

— Пиджак должен быть черный.

— Если это ускорит дело, пусть будет так, — сказал К. и сам открыл гардероб.

К. долго рылся среди всяческого платья, выбрал свой лучший черный пиджак, сильно приталенный и оттого в свое время вызвавший чуть ли не фурор среди знакомых К., натянул другую рубашку и стал тщательно одеваться. Про себя он радовался, что все выходит быстро, потому что надзиратели забыли заставить его принять ванну. Он поглядывал на них с опаской, — вдруг вспомнят? — но им и в голову не пришло; зато Виллем не забыл отправить Франца к начальнику с донесением, что К. одевается.

— Мне еще долго, — крикнул ему К. без всякой причины, хотя на самом деле он торопился как только мог.

Полностью одевшись, он — а по пятам за ним Франц — должен был пройти через нежилую соседнюю комнату, где уже были распахнуты обе створки двери, в следующую. Эту комнату, как было известно К., занимала с недавних пор г-жа Бюрстнер, незамужняя машинистка, уходившая на работу совсем рано, а возвращавшаяся поздно, так что он успел лишь пару раз ее поприветствовать. Теперь ночной столик был переставлен от ее кровати на середину комнаты и за ним, закинув ногу на ногу, а руку на спинку стула, сидел старший, человек совсем не пугающего вида.

Старший молча, испытующе смотрел на него. «Допрос, похоже, ограничивается взглядами, — подумал К. — Ну, пускай себе поглядит чуток. Знать бы, что за учреждение из-за меня — то есть по малозначительному для этого учреждения делу — поднимает такой переполох. Ведь иначе как переполохом все это

не назовешь. Целых три человека тратят на меня время, в двух чужих комнатах устроили беспорядок».

В углу три молодых человека разглядывали фотографии г-жи Бюрстнер, приколотые к настенному коврику. На ручке открытого окна висела белая блузка. В окне напротив снова появились старик и старуха, но теперь к ним присоединился мужчина — гораздо выше их ростом, в расстегнутой на груди рубашке. Он оглаживал и накручивал на палец острую бородку.

— Йозеф К.? — спросил старший, видимо, чтобы привлечь к себе рассеявшееся внимание К. Тот кивнул.

— Вы, наверное, сильно удивлены событиями сегодняшнего утра? — спросил старший, одновременно отталкивая от себя лежавшие на столике предметы — свечу, спички, книгу и подушечку с булавками, будто представлявшие собой необходимый антураж допроса.

— Безусловно, — сказал К., и его охватило приятное чувство, что наконец-то он оказался лицом к лицу с разумным человеком и может обсудить с ним свои обстоятельства. — Безусловно, удивлен, но не так чтобы сильно удивлен.

— Не сильно удивлены? — переспросил старший, поставил свечу на середину столика, а остальные предметы сгруппировал вокруг нее.

— Возможно, вы меня неверно понимаете, — поспешил исправить К. — То есть... — тут он осекся, перевел взгляд на стоявший рядом стул и спросил: — Мне ведь можно сесть? — спросил он.

— Так не принято, — ответил старший.

— Ну то есть, — продолжал К., больше не отвлекаясь, — вообще-то удивлен я сильно, но когда тебе тридцать, а в жизни пришлось пробиваться самому — такая уж мне выпала доля, — становишься не слишком восприимчивым к сюрпризам и не очень-то из-за них беспокоишься, тем более из-за сегодняшнего. *Я от кого-то слышал — уже не помню,*

от кого, — что вообще-то очень странно, когда, проснувшись рано утром, ты находишь все непотревоженным, на тех же местах, что и вечером. Ведь когда спишь и видишь сны, находишься в совершенно ином состоянии, нежели когда бодрствуешь, и требуется, как совершенно верно сказал мне тот человек, определенное хладнокровие или, вернее, находчивость, чтобы все подхватить с того же места, где оставил вечером. Так что момент пробуждения самый рискованный, и только если ты его пережил и никуда со своего прежнего места не сдвинулся, можешь весь день чувствовать себя уверенно. К этому выводу человек, который мне это рассказал, — я как раз вспомнил, как его зовут, но это неважно...

— Что значит — тем более из-за сегодняшнего?

— Не могу сказать, что все это мне кажется розыгрышем, — для этого, по-моему, слишком уж серьезный поднят переполох. Ведь, похоже, все жители нашего пансиона принимают участие, да и вы все, для розыгрыша это уже чересчур. Стало быть, вряд ли это розыгрыш.

— Совершенно верно, — сказал старший и заглянул в коробок, чтобы выяснить, сколько в нем спичек.

— Но с другой стороны... — продолжал К., обращаясь ко всем присутствующим, чтобы и те трое возле фотографий к нему прислушались. — С другой стороны, это дело не может быть настолько уж важным. Такой вывод я делаю из того, что меня в чем-то обвиняют, а я не знаю за собой ни малейшей вины. Но и это не так существенно, главный вопрос — кто меня обвиняет? Какое учреждение ведет разбирательство? Вы должностные лица? Все вы не в форменной одежде, если не считать ваше платье, — тут он повернулся к Францу, — униформой, хотя это ведь просто дорожный костюм. В этих вопросах я требую ясности, и я убежден, что, когда она наступит, мы с вами сможем с самыми добрыми чувствами распрощаться.

Старший стукнул спичечным коробком по столу.

— Вы пребываете в глубочайшем заблуждении, — сказал он. — Эти господа — и я сам — имеем к вашему делу

лишь опосредованное отношение, да и не знаем о вас почти ничего. Мы могли бы явиться в форме установленного образца, но ваше положение от этого стало бы не лучше и не хуже. Я не имею никакой возможности сообщить вам, обвиняетесь ли вы в чем-то, и, более того, я этого не знаю. Возможно, надзиратели наболтали вам о чем-нибудь еще — но это не более чем болтовня. *Вы же знаете — подчиненные всегда осведомлены лучше начальника.* И хотя на ваши вопросы ответить я не могу, зато могу посоветовать поменьше думать о нас и о том, что с вами будет дальше, и побольше — о своем поведении. И не шумите так о том, что не чувствуете себя виновным, это разрушает достаточно неплохое впечатление, которое вы в целом производите. Вам также стоило бы быть сдержаннее в словах — все, что вы до сих пор сказали, и без того видно по вашему поведению, даже если бы вы ограничились всего парой слов, к тому же болтовня не пойдет вам на пользу.

К. смерил старшего взглядом. Возможно, тот даже моложе — и смеет его поучать, будто школьника? Распекать за открытость? Да к тому же умалчивать, за что и по чьему приказу он арестован? Разволновавшись, он прошелся взад-вперед по комнате, в чем никто ему не мешал, подтянул манжеты, набрал в грудь воздуха, пригладил волосы, подошел к трем господам в углу, произнес: «Экая бессмыслица!» — те обернулись к нему и посмотрели сочувственно, но серьезно — и, наконец, снова остановился перед столиком начальника.

— Я хотел бы позвонить моему другу, прокурору Хастереру.

— Конечно, — сказал старший, — только не знаю, какой в этом смысл, разве что вы хотите обсудить с ним какое-нибудь личное дело.

— Какой смысл? — воскликнул К., скорее ошарашенный, чем рассерженный. — Да кто вы вообще такой? Смысл вам подавай — а сами вы творите самую что ни на есть

бессмыслицу! Хоть плачь! Сперва эти господа накинулись на меня, а теперь собрались тут и глазеют, как я скачу перед вами, будто конь на манеже. Какой смысл звонить прокурору, когда я якобы арестован? Ладно, не буду звонить.

— Отчего же, — сказал старший, махнув в сторону передней, где был установлен телефон. — Пожалуйста, звоните, конечно.

— Нет, уже не хочется, — сказал К. и подошел к окну. Компания напротив была все еще на месте, и только появление К. непосредственно у окна, казалось, немного встревожило зрителей. Старики хотели было ретироваться, но стоявший между ними мужчина их успокоил.

— Смотрите, зеваки собрались, — громко сказал К. старшему, указывая на них пальцем. — Пошли вон! — крикнул он, чтобы напротив было слышно.

Троица сразу подалась на несколько шагов назад, причем старики укрылись за широкой спиной мужчины. Тот что-то сказал — видно было, как шевелятся его губы, — но что именно, К. не расслышал. Впрочем, совсем уходить они не спешили, а, казалось, поджидали момента, чтобы снова незаметно приблизиться к окну.

— *Выясню, кто такие, и испорчу им забаву!* Назойливые, бестактные людишки! — сказал К., отвернувшись от окна. Краем глаза он заметил — или ему так показалось, — что старший согласно кивает. *«Покажи ему, кто ты такой, — сказал себе К. — Тогда он недолго сможет тебе перечить. В банке же ты умеешь вертеть людьми как захочешь — справишься и с этими господами».*

Впрочем, не менее вероятно было, что старший вовсе его не слушал: положив руку на столик, он, казалось, сравнивал длину пальцев. Два надзирателя сидели на сундуке, укрытом вышитым покрывалом, и потирали колени. А три молодых человека, подбоченившись, скучливо поглядывали по сторонам. Было тихо, как в какой-нибудь пыльной конторе *ближе к обеду.*

— Что ж, господа, — обратился к ним К., и на мгновение ему показалось, что все сейчас зависит от него. — Судя по вашему виду, разбирательство закончено. Не будем обсуждать оправданность или неоправданность ваших действий, а лучше пожмем друг другу руки и распрощаемся к общему удовольствию. Если и вы того же мнения, то прошу вас.

Он подошел к столику старшего и протянул ему руку. Старший поднял глаза, пожевал губами и посмотрел на вытянутую руку. К. еще казалось, что сейчас он ее пожмет. Старший, однако, встал, взял с кровати г-жи Бюрстнер шляпукотелок и аккуратно, словно примеряя новую, надел ее.

— Вот как у вас все просто, — сказал он К. — Значит, распрощаемся к всеобщему удовольствию? Нет-нет, так не пойдет. С другой стороны, не стоит и отчаиваться. С чего бы? Вы просто арестованы и ничего более. Я должен был вам об этом сообщить, что я и сделал — и увидел, как вы это восприняли. На сегодня достаточно, и мы можем попрощаться, но только на время. Вы ведь сейчас пойдете в банк?

— В банк? — переспросил К. — Я думал, я арестован.

Он сказал это несколько вызывающе — несмотря на несостоявшееся рукопожатие, с того момента, когда старший встал со стула, К. чувствовал себя все более и более независимо. Теперь он играл с этими людьми. Он намеревался, если они уйдут, проводить их до самой двери подъезда и предложить, чтобы они его арестовали. Поэтому он повторил:

— Так как же мне идти в банк, раз я арестован?

— А, вот вы о чем, — сказал старший, уже собиравшийся выйти из квартиры. — Вы меня не так поняли. Вы арестованы, это верно, но это не должно мешать вам выполнять ваши профессиональные обязанности. И вашему обычному образу жизни препятствовать тоже не должно.

— Тогда быть арестованным не так уж плохо, — сказал К. и подошел к старшему ближе.

— А я вам и не говорил, что плохо, — ответил старший.

— В таком случае и сообщать мне об аресте было не так уж необходимо, — сказал К. и подошел еще ближе. Приблизились и остальные, так что все собрались в узком пространстве перед дверью.

— Это была моя обязанность, — сказал старший.

— Дурацкая обязанность, — не сдавался К.

— Возможно, — ответил старший, — но не будем тратить время на подобные разговоры. Насколько я понял, вы собираетесь в банк. Добавлю для ясности: я вас не заставляю идти в банк. Я лишь принял к сведению, что вы этого хотите. Чтобы облегчить вашу задачу и чтобы ваше прибытие в банк не слишком бросалось в глаза, я предоставил в ваше распоряжение этих трех господ, ваших коллег.

— Что?! — воскликнул К., обратив взгляд на троицу.

Эти странно анемичные для своего возраста молодые люди, в которых он до этого видел лишь чужаков, изучающих фотографии на стенах, и в самом деле оказались служащими его банка. Не коллегами — это было слишком громко сказано и выдавало пробел в познаниях старшего, — но все-таки нижестоящими сотрудниками. Почему К. этого не заметил? Он, похоже, так сосредоточился на старшем и двух надзирателях, что даже не узнал этих троих. А ведь это Рабенштайнер с его деревянными жестами, Куллик, блондин с глубоко посаженными глазами, и Каминер с отвратительной ухмылкой из-за хронической судороги лицевых мышц.

— Доброе утро, — сказал, помолчав, К. и протянул вежливо поклонившимся господам руку. — И как я вас не узнал! Ну что ж, пойдете на работу?

Трое заулыбались и закивали с таким рвением, будто только этих слов и ждали, а когда К. хватился шляпы, оставленной в комнате, кинулись за ней все троим, что говорило о некотором смущении. К. остался стоять и смотрел им вслед сквозь открытые двери двух комнат. Последним

был, разумеется, флегматичный Рабенштайнер, поспешавший элегантно рысцой. Каминер протянул К. шляпу, и тот вынужден был напомнить себе, как часто бывало в банке, что ухмыляется Каминер не нарочно и что он вообще неспособен улыбнуться по собственной воле.

В передней г-жа Грубах, вовсе не выглядевшая виноватой, открыла всей компании входную дверь, и К., по обыкновению, обратил внимание на пояс ее фартука, слишком глубоко врезавшийся в ее мясистое тело.

Уже на улице взглянув на карманные часы, К. решил не увеличивать и без того уже получасовое опоздание и взять авто. Каминер побежал на угол, чтобы остановить машину, а остальные двое явно пытались развлечь К.: Куллих вдруг показал пальцем на дверь дома напротив, из которой появился мужчина с острой бородкой и, словно удивившись в первое мгновение, что показался им во весь свой немалый рост, отступил на шаг и прислонился к стене. Старики, конечно, еще спускались. К. почувствовал досаду на Куллиха за то, что тот попытался привлечь его внимание к незнакомцу, которого он сам заметил раньше и даже заранее ожидал встретить.

— Не смотрите туда, — процедил он сквозь зубы, не замечая, насколько странно было обращаться таким образом к самостоятельным взрослым людям. Однако объяснить не пришлось, поскольку как раз подъехала машина; они уселись и поехали.

Только тогда К. вспомнил, что не заметил, как ушли надзиратели во главе со старшим: их заслонили три сотрудника банка. О хладнокровии это упущение не свидетельствовало, К. пообещал себе впредь проявлять больше самообладания, однако невольно обернулся и перегнулся через спинку заднего сиденья в надежде все-таки увидеть старшего и надзирателей. Впрочем, даже не попытавшись никого разглядеть, он тут же снова произнес: «О господи!» и уселся поудобнее в своем углу.

Именно сейчас он нуждался в ободряющих словах, хоть и не подавал вида. Попутчики, однако, выглядели усталыми. Рабенштайнер смотрел направо, Кулликх налево, и только Каминер был к его услугам со своей всегдашней ухмылкой, подшучивать над которой, к сожалению, было жестоко.

• • •

Этой весной К. старался, когда позволяла работа — в банке он обычно засиживался до девяти вечера, — по вечерам выходить на прогулку, один или с кем-нибудь из знакомых, а затем заглядывать в пивную, где он и оставался до одиннадцати за столом для завсегдатаев, в обществе людей по большей части пожилых. Из этой привычки случались, впрочем, исключения, например когда директор банка, весьма ценивший профессиональные качества и надежность К., приглашал его проехаться на авто или отужинать у него на вилле. Кроме того, раз в неделю К. посещал девушку по имени Эльза, которая всю ночь до десяти утра работала официанткой в винном баре, а днем принимала гостей исключительно в постели.

Впрочем, этим вечером — день пролетел незаметно в напряженной работе и многочисленных почтительных и дружеских поздравлениях с юбилеем — К. хотелось прямоком домой. В перерывах между работой ему только об этом и думалось: почему-то, не вполне осознавая почему, он чувствовал, что утренние события все взбаламутили в квартире г-жи Грубах и теперь именно он должен навести порядок. А как только порядок будет восстановлен, все следы происшествия сотрутся и жизнь вновь пойдет своим чередом. Трех банковских сотрудников точно нечего было опасаться: они растворились среди множества служащих банка и в их поведении не произошло видимых изменений. К. несколько раз вызывал их к себе в кабинет, всех сразу и поодиночке, с единственной целью понаблюдать за ними, и всякий раз

оставался доволен. Мысль, что таким образом он, может быть, облегчает им наблюдение за собственной персоной, которое, вероятно, им поручено, показалась ему такой дурацкой фантазией, что он закрыл лицо руками и несколько минут просидел, пытаясь прочистить голову. «Еще немного таких мыслей, — сказал он себе, — и я вовсе тронусь рассудком».

В полдесятого вечера он наткнулся у входа в свой подъезд на молодого человека, который стоял в дверном проеме, широко расставив ноги, и курил трубку.

— Вы кто? — спросил К., заглядывая парню прямо в лицо: в полутьме коридора было ничего не разглядеть.

— Дворника сын, ваша милость, — ответил парень, вынул изо рта трубку и отодвинулся.

— Сын дворника, значит? — переспросил К., нетерпеливо постукивая по полу тростью.

— Не угодно ли чего вашей милости? Может, позвать отца?

— Нет, нет, — сказал К. таким тоном, будто парень сделал что-то дурное, но заслуживает прощения. — Все в порядке, — добавил он и прошел мимо, но, прежде чем подняться по лестнице, еще раз обернулся.

Он мог бы пройти прямо в свою комнату, но хотел сперва поговорить с г-жой Грубах и, постучавшись к ней, застал ее за штопкой шерстяного чулка. На столе перед ней лежала еще куча старых чулок. К. смущенно извинился, что зашел так поздно, но г-жа Грубах была с ним очень приветлива, извинений же и слышать не хотела: ему, мол, всегда к ней можно, он ведь отлично знает, что он ее лучший и любимый жилец. К. огляделся и нашел комнату в прежнем виде. Посуда, стоявшая во время завтрака на столике у окна, была уже прибрана. Вот ведь женские руки, подумал он: сам-то он наверняка все перебил бы, пытаясь вынести. Он благодарно посмотрел на г-жу Грубах.

— Что же вы в такой поздний час еще трудитесь? — спросил он.

К. подсел к ней за стол и во время разговора время от времени лез рукой в гору чулок.

— Все дела, дела, — сказала она. — Днем-то я все время отдаю жильцам, а на свои дела только вечер и остается.

— Вот и я вам сегодня добавил работы.

— Вы о чем? — насторожилась она и опустила шитье на колени.

— О тех людях, что приходили сегодня утром.

— А, вот в чем дело, — сказала она, успокаиваясь. — Это мне никаких особых хлопот не доставило.

И она снова принялась за чулок. К. молча наблюдал за ней. «Кажется, удивлена, что я об этом заговорил, — подумал он. — Ей это, похоже, кажется неуместным. Тем важнее этот разговор. Ведь ни с кем, кроме пожилой дамы, такое не обсудишь».

— Ну конечно же, доставило, — наконец заговорил он. — Но это больше не повторится.

— Да, такое больше повториться не может, — подтвердила она и улыбнулась чуть задумчиво.

— Вы правда так думаете? — спросил К.

— Да, — сказала она тихо, — но главное, не принимайте все так близко к сердцу. Чего только не делается на свете! Раз уж у нас такой доверительный разговор, г-н К., признаюсь, что немного послушала за дверью, да и надзиратели мне кое-что рассказали. Тут уж как вам повезет, и я о вас очень беспокоюсь, может быть даже сильнее, чем следует, я ведь всего лишь квартирная хозяйка. Так вот, кое-что я услышала, но ничего, пожалуй, особенно ужасного. Вы хоть и арестованы, но не как вор какой-нибудь. Вот когда арестовывают как вора — это ужас. А ваш арест — это, выходит, как-то по-ученому. Простите, если я глупость говорю, но так уж мне видится — по-ученому, мне и не понять, да и понимать-то, пожалуй, ни к чему.

— Никакой глупости вы не сказали, г-жа Грубах, и я отчасти того же мнения, только сужу обо всем этом резче, чем

вы, — на мой взгляд, это не по-ученому, а вообще ни по-какому. Меня просто застали врасплох, вот и все. Если бы я, проснувшись, не отвлекся на отсутствие Анны, а встал бы и, не обращая внимания на того, кто стоял у меня на дороге, направился прямо к вам, если бы я в порядке исключения позавтракал на кухне и попросил бы вас принести мне из спальни одежду, — словом, если бы я повел себя разумно, то больше ничего бы не случилось и все происшествие было бы пресечено на корню. Но к такому никто не готовится. В банке, к примеру, я ко всему готов, там бы со мной ничего подобного случиться не могло, у меня там есть помощник, на столе передо мной и городской телефон, и внутренний, в кабинет все время заходят люди — контрагенты и сотрудники. Но кроме того, и это главное, там я на работе и потому сохраняю хладнокровие, так что там мне даже приятно было бы столкнуться с чем-то подобным. Теперь все позади, и я вообще-то не хотел больше ничего об этом говорить, мне просто хотелось узнать ваше мнение — мнение разумной дамы, вот что я хотел услышать, и очень рад, что наши мысли сходятся. Дайте же мне вашу руку — такое согласие надо скрепить рукопожатием.

«Пожмет ли она мне руку? Старший-то не пожал», — подумал он, глядя на собеседницу иначе, чем раньше, — испытующе.

Она встала со стула, потому что и он встал. Ей было неуютно: не все, что сказал К., было доступно ее разумению. Из-за этого неуютного ощущения у нее вырвались слова, которых она говорить не хотела, совершенно к тому же неуместные:

— Не принимайте все так близко к сердцу, г-н К., — сказала она, прослезившись и, естественно, вовсе забыв о рукопожатии.

— Я и не думал, что принимаю, — сказал К., вдруг чувствуя сильную усталость и понимая, что одобрение этой женщины не имеет для него никакой ценности.

Уже уходя, он спросил напоследок, дома ли г-жа Бюрстнер.

— Нет, — сказала г-жа Грубах и улыбнулась, скрасив таким запоздалым участием свой сухой ответ. — Она в театре. Вы хотели о чем-то у нее спросить? Что ей передать?

— Ах, нет, я только хотел перемолвиться с ней парой слов.

— Я, к сожалению, не знаю, когда она придет. Из театра она обычно возвращается поздно.

— Это все равно, — сказал К., понуро поворачиваясь к двери, чтобы идти. — Я только хотел перед ней извиниться за то, что сегодня воспользовался ее комнатой.

— В этом нет необходимости, вы слишком предупредительны — она и не знает ничего, потому что с утра не была дома, а в комнате все уже привели в порядок, сами посмотрите.

И она отворила дверь в комнату г-жи Бюрстнер.

— Спасибо, я вам верю, — сказал К., но все же подошел к открытой двери. Только луна слабо освещала комнату. Насколько он смог различить, все было на своих местах, а блузка больше не висела на оконной ручке. В глаза бросались разве что подушки на кровати — на них падал лунный свет.

— Эта девушка часто приходит домой поздно, — сказал К. и посмотрел на г-жу Грубах так, будто она за это отвечала.

— Дело молодое, — сказала г-жа Грубах извиняющимся тоном.

— Конечно, конечно, — сказал К. — Но ведь так можно и слишком далеко зайти.

— Это точно, — сказала г-жа Грубах. — *К сожалению, я много такого повидала.* Как вы правы, г-н К.! Может быть, даже в этом случае. Не хочу клеветать на г-жу Бюрстнер, она милая, хорошая девушка, вежливая, аккуратная, пунктуальная, работающая, я все это очень ценю, вот только надо бы ей держаться поостроже, поскромнее. Я ее в этом месяце уже

два раза видела на улице *под ручку* с двумя разными господами. Стыдно говорить — вот как на духу, рассказываю только вам, г-н К., — но, тут уж некуда деваться, придется поговорить и с ней самой. И это не единственное, что мне кажется в ней подозрительным.

— К чему вы все это говорите? — К. так рассердился, что с трудом скрывал досаду. — И, кстати, вы неверно истолковали мое замечание по поводу этой девушки, я имел в виду совсем не то. Я искренне прошу вас воздержаться от любых бесед с ней, вы заблуждаетесь, я хорошо ее знаю, а все, что вы сказали, неправда. Хотя, возможно, я слишком много на себя беру — не хочу вам мешать, можете говорить ей что хотите. Доброй ночи.

— Господин К., — просительно начала г-жа Грубах, поспешив проводить К. до самой его двери, которую он уже открыл. — Я и не собираюсь пока разговаривать с этой молодой дамой, конечно же, я понаблюдаю за ней еще — я одному вам доверила то, что знаю. В конце концов, это в интересах всех жильцов, чтобы в пансионе соблюдались приличия, я только ради этого и стараюсь.

— Приличия! — воскликнул К., почти закрыв за собой дверь. — Если хотите блюсти приличия в пансионе, сперва выселите меня!

Он захлопнул дверь. Г-жа Грубах еще тихонько стучалась к нему, но он не обращал внимания. Спать, однако, совершенно не хотелось, и он решил проследить, в котором часу вернется домой г-жа Бюрстнер. Может быть, тогда удастся, как бы это ни было неуместно, перекинуться с ней парой слов. Облокотившись о подоконник и потирая усталые глаза, он даже задумался было, не наказать ли г-жу Грубах, убедив г-жу Бюрстнер съехать с квартиры одновременно с ним. Но тут же это показалось ему ужасным перебором, и он даже заподозрил себя в том, что подсознательно хочет сменить квартиру из-за утренних событий. А ведь это было бы не только на редкость нелепо и бессмысленно,

но и достойно презрения. «Впрочем, презрения я не боюсь», — про себя заключил К.

Перед домом размеренным, четким шагом часового расхаживал взад-вперед солдат. К. был вынужден далеко высунуться из окна, чтобы его увидеть: солдат ходил прямо у стены дома.

— *Здравствуйте!* — крикнул ему К., но недостаточно громко, чтобы тот расслышал. Скоро, впрочем, стало ясно, что солдат дожидался служанку, которая ходила в заведение напротив за пивом и теперь появилась в ярко освещенном дверном проеме. К. прислушался к себе: не показалось ли ему на миг, что часовой приставлен к нему? — и не смог ответить на этот вопрос.

Устав глядеть в окно на пустую улицу, он лег на кушетку, предварительно чуть приоткрыв дверь в переднюю, чтобы и лежа увидеть, когда кто-то войдет в квартиру. Примерно до одиннадцати он пролежал на кушетке, мирно покуривая сигару. Потом не выдержал и вышел ненадолго в переднюю, как будто мог таким образом ускорить появление г-жи Бюрстнер.

У К. не было никакой особой надобности ее видеть, он даже не помнил толком, как она выглядит, но сейчас он хотел с ней поговорить и его раздражало, что она своим поздним возвращением вносит даже в концовку этого дня беспокойство и беспорядок. Это она была виновата в том, что он сегодня не поужинал и пропустил запланированный визит к Эльзе. Впрочем, и то и другое упущение он мог наверстать, зайдя в винный бар, где Эльза работала. Так он и собрался сделать, но позже, после разговора с г-жой Бюрстнер.

Минула уже половина двенадцатого, когда на лестнице послышались шаги. К., погруженный в размышления, еще расхаживал по прихожей, как по собственной комнате, но тут же ретировался к себе. В квартиру вошла г-жа Бюрстнер. Запирая за собой дверь, она зябко кутала худые плечи в шелковой шали. В следующее мгновение она должна была исчезнуть в комнате, куда К., естественно, не полагалось

заходить в полуночный час; значит, заговорить с ней следовало немедленно. Однако, к несчастью, К. забыл включить в своей комнате электрический свет и его появление из темноты смахивало бы на нападение и уж точно могло бы ее напугать. Оказавшись в безвыходном положении и не желая упустить момент, он шепотом позвал сквозь приоткрытую дверь:

— Г-жа Бюрстнер!

Это прозвучало как просьба, а не как оклик.

— Кто здесь? — спросила г-жа Бюрстнер и огляделась, широко открыв глаза.

— Это я, — сказал К. и выступил вперед.

— А, г-н К.! — с улыбкой сказала г-жа Бюрстнер и протянула ему руку. — Добрый вечер!

— У меня к вам небольшой разговор, вы позволите?

— Сейчас? — спросила г-жа Бюрстнер. — В такой час? Это довольно необычно, правда?

— Я с девяти часов вас ожидаю.

— Но ведь я была в театре и знать об этом не знала.

Если вы хотели что-то со мной обсудить — хотя не могу себе представить, что бы это могло быть, — у вас часто бывали для этого и более удобные случаи.

— Повод для разговора возник только сегодня.

— В сущности, я ничего против не имею, только вот падаю с ног от усталости. Что ж, зайдите на минуту-другую в мою комнату. Здесь в любом случае разговаривать нельзя, мы всех перебудим, и тогда мне будет очень неудобно — не из-за них, а из-за нас. Подождите, пока я не включу свет у себя, и тогда выключите здесь.

К. сделал, как она велела, и даже больше — дождался, пока она тихонько позовет его еще раз, уже из своей комнаты.

— Садитесь, — сказала она и указала на кушетку, а сама, хоть только что и жаловалась на усталость, осталась на ногах у изголовья кровати и даже не сняла маленькую, но обильно